

«Все революции происходят оттого, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности. Они происходят оттого, что правительства остаются глухими к народным нуждам»

СЕРГЕЙ ВИТТЕ

«Чувство “я” — чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле — есть одно из чувств, наиболее сильных в человеке»

«В душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством — с бедствием одних в пользу других, — от каких бы причин сие не происходило»

**МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ**

Моя жизнь

Сергей Витте

Мои воспоминания

«Издательство АСТ»

1923

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

Витте С. Ю.

Мои воспоминания / С. Ю. Витте — «Издательство АСТ»,
1923 — (Моя жизнь)

ISBN 978-5-17-116735-6

Сергей Юльевич Витте — не просто виднейший государственный деятель и реформатор, но и интересный мыслитель, чьи тексты можно читать просто ради удовольствия. Книга «Мои воспоминания» — документ, описывающий эпоху и ее лица, захватывающее чтение для интересующихся историей России и просто источник ценных мыслей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-17-116735-6

© Витте С. Ю., 1923
© Издательство АСТ, 1923

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Юльевич Витте

Мои воспоминания

Глава 1

О предках

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя – Екатерина Андреевна Фадеева, дочь члена Главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей отрасли князей Долгоруких. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом.

Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет – она ныне живет в Одессе. Сын же деда – генерал Фадеев – был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель.

Старшая дочь, Ган (Зинаиды Р.), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блавацкая; младшая же дочь – известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, – Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожною личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Мой старший брат, Александр, умер после последней Турецкой войны. Он окончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен.

Самый известный его подвиг – это тот, когда его корпусный командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального штаба, послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант, или состоящий при нем офицер, держал перед собой эту карту, вдруг он встречается с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то и скомандовал «в атаку». Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, оставив сравнительно незначительное число людей. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь, и Александр должен был снова атаковать и снова прорваться, причем в этих двух атаках он оставил на поле половину людей.

Все это произошло потому, что офицеры Генерального штаба составили неправильный план. В атаках все время с братом был флаг этого отряда, и он вернулся, не потеряв этого флага, за что по статуту ему полагался «Георгий».

С покойным братом я очень часто разговаривал о войне; он всегда был очень скромн и благодушен. Я помню, он постоянно мне говорил об ощущениях, которые приходится претерпевать на войне. Александр говорил: «Если кто-нибудь когда-нибудь будет тебе говорить, что он не боится, идя на войну (и во время войны), – не верь ему. До боя – все боятся, но

когда уже начнется бой, то тогда люди действительно забываются, и, забываясь, они перестают чего-либо бояться».

Мне лично пришлось испытать точно такое же чувство, когда я после 17 октября в течение полугода был Председателем Совета. В самый разгар революции, когда я ежедневно и ежедневно подвергал свою жизнь опасности, – меня на каждом шагу предупреждали, чтобы я не ехал туда-то, скрывался бы оттуда-то, говорили о необходимости иметь какую-то охрану, я, несмотря на это, в течение полугода жил без всякой охраны, ездил всюду, не имея не только официальной охраны, но и тайной. Мне часто давали знать по телефону, чтобы я не ехал туда-то и берегся; сидел бы столько-то дней дома, – я никогда не исполнял этого, но должен сказать, что когда я находился у себя, ложился спать, зная, что утром на следующий день мне придется ехать туда и туда, я все время страшно боялся и, когда мне приходилось спускаться с лестницы, садиться в экипаж и затем ехать туда, где есть публика, народ, то, выходя из дому, я всякий раз страшно трусил, боялся; но, как только я усаживался в экипаж и ехал, у меня эта боязнь проходила, и я ехал, чувствуя себя так же спокойно, как в настоящее время, когда я диктую эти строки. Вот именно тогда-то я и понял то чувство, о котором мне рассказывал мой покойный брат.

Второй мой брат – Борис – ничего особенного собою не представлял; он был любимцем матери и отца и более других избалован. Борис окончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер Председателем судебной Одесской палаты. Затем у меня, – как я уже говорил, – были две сестры: одна – Ольга и другая – Софья. Ольга умерла два года тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая – Софья – жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе.

Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей отца и матери, как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же была никем особенно не балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы, все три мальчика, получили от нашей бабушки Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

Глава 2

Кавказские наместники

Мой дядя Фадеев был крайне острый на язык, довольно откровенный, т. е. любил болтать. И вот по поводу приезда Великого Князя он сказал, что завтра Великий Князь въедет в Тифлис и что жена его, Ольга Федоровна, весьма довольна тем, что въезд наместника Тифлиса встречается всем населением с флагами, и экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами, так как она, будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей.

Великий Князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно-ограниченным. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно.

В это время по гражданской части при наместнике кавказском особенную роль играл мой отец, который, как я говорил ранее, был директором Департамента государственных имуществ, а по месту этому был вместе с тем и членом совета главного управления наместника кавказского. Таким образом, при Великом Князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предместниках, пользуясь, пожалуй, еще большим к себе вниманием, нежели при предыдущих наместниках, по той простой причине, что наместник Кавказа, Великий Князь был сначала братом Государя, после смерти Александра II, он был дядей Государя Александра III.

При Великом Князе, как я уже говорил, были окончательно покорены те части Кавказа (а именно Зап. Кавказ), покорение которых не докончил фельдмаршал Барятинский. Впоследствии при Императоре Александре III, когда Великий Князь оставил Кавказ и был назначен Председателем Государственного Совета, то сначала вместо него на Кавказ был назначен князь Дундуков-Корсаков, но уже не в звании наместника, а в звании главноначальствующего на Кавказе.

После него главноначальствующим на Кавказе был Шереметев, которого Кавказ также любил, потому что и он был кавказским, но и он, так же как и Дундуков-Корсаков, ничем себя не проявил.

После смерти Шереметева на Кавказ был назначен князь Голицын, и он первый начал проводить узкую националистическую политику, а поэтому на Кавказе он был всеми нелюбим и даже более – ненавидим. Князь Голицын стал ненавистен Кавказу потому, что он был не кавказский, не понимал духа кавказского и проводил такую политику, которая и послужила одним из главных оснований тех беспорядков, которые были на Кавказе за последние десятилетия.

После князя Голицына на Кавказ был назначен граф Воронцов-Дашков, тот самый Воронцов-Дашков, о котором я упоминал, когда говорил о фельдмаршале князе Барятинском, у которого он состоял одним из младших адъютантов. Граф Воронцов-Дашков, – как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, – понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров и начальников этих солдат были туземцы.

Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа или, в сущности говоря, Российской Империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было

производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, Баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать Четахские руды.

Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер Бернули), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. – Так как все, что касалось государственных имуществ находилось в ведении Департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на Четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи, например суп из черносливов, дичь с варением и проч. В то время Барятинский упросил моего отца взять на себя управление заводом, и мой отец согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника.

Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником кавказским Великий Князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основаниях ведется это дело. Великий Князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет Государю, и тогда все это дело будет оформлено, и деньги возвращены. Между тем мой отец совершенно неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда.

Глава 3

Воспоминания из детства и юности

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи, но до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний относительно тех лиц, с которыми мне приходилось встречаться в детстве и в юности, которые и тогда уже пользовались известностью. Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец, иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был Петербургским митрополитом.

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее видную роль в государстве, я мог бы указать на барона Николаи. Этот барон Николаи, раньше нежели быть начальником главного кавказского управления, был одно время в Киеве попечителем учебного округа, после же он был назначен министром народного просвещения. Брат этого Николаи был военным, он был известен как храбрый генерал. Когда я еще был мальчиком, он был уже генерал-адъютантом и пользовался большой славой в войсках. Он очень странным образом окончил свою жизнь. Когда уже кончилась кавказская война, он вдруг увлекся католицизмом, перешел из лютеранства в католицизм, – затем уехал в Рим к папе и сделался католическим монахом.

Я помню также и последнего представителя грузинских царей – князя Ираклия, который был простым полковником, числившимся по кавалерии даже флигель-адъютантом, или адъютантом наместника. Его все звали: князь Ираклий-царевич.

Помню также приезд на Кавказ Тенгоборгского, известного экономиста 50-х годов, который много способствовал привитию в России теории фритредерства и благодаря которому мы никак не могли отделаться от этой теории, и только при Императоре Александре III вступили на путь прямого и открытого протекционизма.

Теперь, чтобы рассказ мой был более или менее связным, в дальнейшем я хочу рассказать постепенно о моем воспитании и образовании, каким образом я был воспитан и образован.

Глава 4

Первоначальное воспитание. Гимназия. Университет

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение, сначала дядьки, отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Ренье.

Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя Тифлисской гимназии, которые подготовляли нас к поступлению в гимназию. В это время в гимназии было всего 7 классов, и таким образом в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение 4 лет, при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большую часть на уроки не ходил.

Наконец наступило время, когда надо было держать экзамен, для того чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо и, если бы не учителя гимназии, которые в течение 4 лет к нам ходили и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат.

Наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал опять обратно по месту своей службы на Кавказ.

Мы остались, вдвоем с братом, совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались одни, у нас, в сущности у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался и что, таким образом, мы с братом пропадем.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше жить нельзя, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев.

В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен.

Прошло 6 месяцев, и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного Совета.

Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам, и по всем этим предметам я получил 5, благодаря этому Яновский, в качестве директора гимназии, являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки. Таким образом, я и мой брат кончили курс Кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили там в университет. На каникулы же мы уехали к родным на Кавказ.

В университет я поступил на математический факультет, а мой брат – на юридический. Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых.

В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался ученьем, но постольку, поскольку я ею занимался, я

всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным.

Из моих близких товарищей, как я сказал раньше, был Лигин, который затем сделался профессором Новороссийского университета. Лигин был старше меня на один год, но я с ним был очень близок; он вскоре после окончания курса уехал за границу, слушал там лекции в Карлсруэ и потом, через несколько лет, вернулся в Одессу, сделался профессором Новороссийского университета. Я хочу сказать об этом Лигине несколько слов, так как вообще это был человек выдающийся, оставивший о себе память.

Помню, что во время защиты диссертации все на него напали, но нападение это было совершенно детское; по очереди каждый из этих профессоров просто утверждал, что диссертация Лигина решительно никуда не годна, но при этом не приводилось решительно никаких доказательств. Впрочем, как я уже сказал ранее, профессора-естественники и не могли представить доказательств, так как этого предмета они не знали. Единственный между ними, который мог бы судить о диссертации, был молодой профессор Усов (нынешний профессор математики и физики в Московском университете), но и Усов не был специалистом по механике и, кроме того, несколько кривил душою, так как был заражен именно тем направлением, которым были заражены все университеты того времени, т. е. «демократическим», – которое выражалось в боязни оказаться в какой бы то ни было степени покровителем студента из-за его фамилии или из-за его средств. Тогда я, – хотя и не принадлежал к коллегии профессоров, так как только что и недавно кончил курс в университете, – все же вмешался в это дело и сказал одному из профессоров (кому не помню: или Мечникову, или Сеченову), что решение их крайне несправедливо. Они мне отвечали, что до них дошли сведения, что все профессора математического отделения дали отличный отзыв о работе Лигина только по личным причинам.

По прошествии 25 лет, так как Лигин был человек довольно состоятельный, его выбрали одесским городским головой, каковым он был в течение трех лет и затем был выбран городским головой на следующее трехлетие.

В это время я уже был министром финансов, а Варшавским генерал-губернатором был светлейший князь Имеретинский, который со мной находился в прекраснейших отношениях.

Отец же Лигина (бывший в молодости врачом при дворце), уехавший в Вену, прославился там как доктор душевнобольных, и впоследствии на его попечение была отдана громадная, одна из лучших в свете больниц для душевнобольных. Он был очень известным профессором Венского университета по вышеназванным болезням. Лигин признавал его своим отцом, и тот признавал Лигина своим сыном. Я помню, когда я кончил курс в университете и в первый раз поехал за границу для того, чтобы лечиться от болезни, которой я болен и до настоящего времени (а именно, от болезни горла, гортани и носовой полости), то я просил Лигина оказать мне какое-нибудь содействие. Лигин написал относительно меня два слова своему отцу, и, как только я послал этому последнему записку Лигина, несмотря на то, что я в то время был молодым, совсем не известным, без всяких средств человеком, отец Лигина принял меня крайне радушно и дал мне сейчас же письма ко всем венским знаменитостям, и все эти знаменитости принимали меня и с особенным вниманием относились ко мне.

Прошедши курс в университете, а следовательно, живя известный период времени студенческой жизнью, я духовно весьма с нею сроднился и поэтому хорошо понимаю, что тот, кто сам не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета, тот никогда не поймет, что означает «университетская наука», т. е. не поймет разницу между университетом и высшею школою (хотя бы и прекрасной школою, как, напр., наш Лицей Царскосельский или школа Правоведения). Между тем разница эта весьма существенна, но для лиц, которые сами это не почувствовали, она будет непонятна. Поэтому лица эти, будучи призваны решать дела, касающиеся университетов,

решают их или по-военному, или же, становясь на ту точку зрения, что университет есть не университет, а школа.

Между тем разница между университетом и школою заключается в том, что университет живет свободной наукою. Если университет не живет свободной наукой, то, в таком случае, он не достоин звания университета. Тогда, действительно, лучше уже обратиться в школу, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием.

Таким образом, в течение всей университетской жизни (в течение 4 лет), если университет действительно удовлетворяет своему назначению, т. е. если в нем преподают свободную науку и преподают ее студентам, которые способны воспринять эту науку, то, изучая предметы одной категории, студенты в то же время находятся в сфере наук всех категорий, которыми в данный момент обладает человечество. Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития.

По поводу преподавания в университетах я вспоминаю о преподавании одного предмета, который в университете изучается всеми студентами всех факультетов, а именно о преподавании Закона Божия.

Я помню, в мое время в Новороссийском университете преподавал нравственное догматическое богословие протоиерей профессор Павловский. Он был прекраснейший человек и человек знающий, но, тем не менее, с большим трудом на его лекции можно было найти 3–4 студентов, которых удавалось упротить помощникам проректора пойти слушать его лекции. Никогда, никто к экзамену богословия не приготавливался.

Я, например, будучи одним из самых лучших студентов университета, вообще никогда не приготавливался к экзаменам ни по одному предмету, и, тем не менее, мне всегда ставили 5. Я помню, что перед выходным экзаменом по богословию я прочел несколько билетов накануне вечером и пришел на экзамен, решительно ничего не зная. В числе экзаменаторов были местный архиерей, протоиерей Павловский и два профессора, один из которых был профессор сельского хозяйства Палимпсестов. – Мне достался билет о браке. Я вышел и решительно не знал, что мне отвечать, но из затруднения меня вывел вышеупомянутый профессор Палимпсестов, который знал, что я самый лучший студент в университете, а поэтому желал, чтобы я не только выдержал экзамен, но и получил хорошую отметку. Поэтому он обратился ко мне с таким вопросом: «Скажите, пожалуйста, вы читали «Физиологию брака» Дебу? Я, действительно ее читал, именно потому, что эта «Физиология брака» Дебу была книга скабрёзного содержания, хотя в известной степени и научная. Профессор Павловский и архиерей были очень удивлены его вопросом и спросили, какая это книга «Физиология брака» Дебу? Палимпсестов ответил им, что «это прекрасная книга и раз Витте (т. е. я) читал эту книгу, – а на него можно положиться, – значит, он отлично знает богословие».

Меня отпустили и поставили 4. Таким образом я выдержал экзамен.

Когда я уже был министром финансов, мне удалось основать здешний Петербургский политехнический институт. Я довольно часто ездил в это заведение, которое я любил, как мною основанное, профессором богословия там был Петров, тот самый Петров, который теперь расстрижен, так как он увлекся политической деятельностью.

Глава 5

Моя служба на Одесской жел. дороге

Когда я кончил курс в университете, то имел твердое намерение остаться в университете по кафедре чистой математики. В это время вспыхнула война между Пруссией и Францией, которая повела, с одной стороны, к основанию Германской империи, а с другой – к основанию французской республики. Тогда же к нам приехал мой дядя, генерал Фадеев.

Как моя мать, так и генерал Фадеев очень косо смотрели на мое желание быть профессором. Главный их довод заключался в том, что это занятие мне не соответствует, так как это не дворянское дело.

В это время была построена дорога между Одессой и Раздельной и от Раздельной строилась по направлению к Кишиневу; затем от Раздельной была построена ж. д. до Балты и дальше должна была строиться на Елизаветград и на Кременчуг.

Но те участки, которые уже были построены, а именно: участки от Одессы до Раздельной и от Раздельной до Балты, были переданы в казну. Было устроено особое Управление казенной эксплуатации этой дороги, и так как граф Бобринский был министром путей сообщения, то, конечно, он был высшим начальником, между прочим, и этой дороги; начальником же дороги был инженер Клименко, который ничего особого собою не представлял ни в смысле отрицательном, ни в смысле положительном.

Так вот, граф Бобринский уговаривал меня переменить профессорскую карьеру на карьеру железнодорожного деятеля. Когда я на это согласился, то имел в виду поехать в С.-Петербург и выдержать там экзамен на инженера путей сообщения, что мне было очень легко сделать, так как я только что кончил курс в университете по математическому факультету и мне следовало только немного заняться черчением и некоторыми специальными предметами, на что я мог употребить только несколько месяцев, и, конечно, с успехом выдержал бы экзамен.

В конце концов, я на это согласился и начал свою службу на Одесской железной дороге, в управлении казенной Одесской железной дороги, начальником которой, как я уже говорил, был инженер Клименко. И вот, я должен был облечься в такую форму и начал изучать службу, проходя ее постепенно, так что я в действительности в течение полугода прошел все должности, касающиеся службы эксплуатации.

В это время на юге наибольшим Обществом было «Русское общество пароходства и торговли», директором которого в это время состоял капитан 1-го ранга, флигель-адъютант Его Величества Николай Матвеевич Чихачев, будущий морской министр и нынешний член Государственного Совета, – весьма почтенный человек. Ему в настоящее время 84 года, – тем не менее он не пропускает ни одного заседания Государственного Совета, и по странной случайности я в Государственном Совете сижу с ним почти что рядом.

Начались переговоры о передаче этой железной дороги в руки «Русского общества пароходства и торговли», и, в конце концов, передача эта совершилась; устав же «Общества русского пароходства и торговли» был несколько изменен.

Когда во главе дела стал Н. М. Чихачев, то он сразу отрицательно отнесся к Федору Моисеевичу Штерну, отчасти именно вследствие присущего ему аrogантного способа разговаривать, поэтому Штерн должен был оставить службу, и Чихачев предложил мне занять должность начальника движения Одесской железной дороги.

Дела на этой дороге шли плохо; опыта эксплуатации тогда было еще очень мало. Я был совсем молодым человеком; граф Владимир Бобринский ушел – и в Министерстве путей сообщения наступила такая полоса, когда вся сила сосредоточивалась в руках инженеров путей сообщения. Управляющий железной дорогой должен был утверждаться министром, и, так как

я не был инженером путей сообщения, то меня управляющим дорогой Министерство путей сообщения никогда бы не утвердило.

Тогда я посоветовал Чихачеву пригласить управляющим дорогой Андрея Николаевича Горчакова, который в то время был управляющим Курско-Киевской железной дорогой и пользовался известным реноме, хотя это реноме и оказалось несколько дутым.

После ухода Горчакова Чихачев опять старался сделать так, чтобы меня утвердили управляющим железной дорогой, но Министерство путей сообщения меня не утвердило, вследствие чего к должности управляющего дорогой был представлен инженер барон Унгерн-Штернберг, очень хороший человек, со всеми качествами овечки, но который, собственно говоря, никакого значения не имел, так что выходила такая аномальность: занимая место начальника движения, я, в сущности говоря, управлял дорогой, номинальным же управляющим дорогой был барон Унгерн-Штернберг.

В это время в «Русское общество пароходства и торговли» была уже передана дорога от Балты до Кременчуга (эта часть была построена бароном Унгерн-Штернбергом); другая же часть дороги: от Балты (или вернее сказать – от пункта, лежащего в 20 верстах от Балты к Бирзулу) до Жмеринки и от Жмеринки до Волочиска – была построена частной компанией, во главе которой был француз Фелюли, так что дорога по протяжению сделалась довольно значительной.

Это продолжалось, как я уже говорил, несколько лет, пока не вспыхнула Русско-турецкая война.

Теперь я хочу рассказать некоторые из более или менее интересных и забавных эпизодов в период этой моей деятельности по Одесской железной дороге, т. е. с самого начала моего туда поступления.

В то время Император Александр II несколько раз ездил в Крым и, так как тогда еще не было железной дороги, идущей в Севастополь, то Государь должен был всегда проезжать по одесской дороге. Единственный путь, чтобы достигнуть Черного моря, был тогда через Москву на Киев и Одессу, а поэтому мне несколько раз приходилось видеть Императора Александра II и даже ездить в Императорских поездах, которые его возили.

Помню, раз мы везли Императора Александра II в Одессу. Поезд остановился на несколько минут на станции Бирзула, Император захотел прогуляться и, чтобы не быть замеченным публикой, вышел на платформу, но не на левую сторону, куда был выход и где его все ждали, а на правую. Между тем начальник станции и обер-кондуктор этого не заметили, и, когда наступило время отправления поезда, – он был отправлен. Таким образом, отправили поезд, а Император остался на станции. Конечно, это сейчас же заметили, поезд вернули, и Государь поехал дальше; причем он отнесся к этому происшествию весьма добродушно.

Много лет спустя, когда я уже служил в Киеве начальником эксплуатации юго-западных железных дорог, состоялся Первый Всемирный конгресс железнодорожников, по случаю 50-летнего юбилея железных дорог в Бельгии. Этот юбилей праздновался в Брюсселе. Я был тогда сравнительно молодым человеком, – и был назначен на этот конгресс со стороны русских железных дорог.

Разумеется, я был сторонником американской системы, потому что я сам ее практиковал во время войны, и встретил горячего защитника этой системы в лице инженера Сортио.

Все решения, которые принимались в комиссиях, потом рассматривались на общих собраниях; эти общие собрания были большею частью публичные; они устраивались больше для публики, чем для железнодорожного дела; самые серьезные занятия происходили в комиссиях.

По каждому вопросу выступало по два оратора. Одним из ораторов был бельгийский известный инженер Бельпер, который говорил о преимуществах европейской системы. Потом он возражал Сортио, который говорил приблизительно следующее: он выслушал прекрасную

речь Бельпера, которая его очень тронула, но его крайне удивляет, как это Бельпер, который живет недалеко от Парижа, очевидно, в Париже не бывает, потому что, если бы Бельпер бывал в Париже, то таких вещей не говорил бы.

После того как Император Александр II вернулся с войны и находился в Ялте, в Турции осталась только маленькая часть войска. Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич также вернулся, а заменять его Главнокомандующим был назначен Тотлебен. В то время был уже, так сказать, хвост войны – окончание ее.

Будучи в Одессе, я получил телеграмму от военного министра Милютина, который находился в Ялте при Императоре Александре II. Граф Милютин (за войну он был сделан графом) телеграфировал Чихачеву и мне, что по докладу рапорта бывшего Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, Государь Император во внимание блестящей перевозки войск на войну и обратно – повелел решение Каменец-подольского окружного суда о назначении наказания мне и Чихачеву за Тилигульскую катастрофу отменить, не приводить в исполнение. Таким образом я считал – да и иначе и не мог считать – это делом совершенно оконченным.

После окончания войны – Одесская ж. дорога была соединена с Киево-Брестской и Брест-Граевской – образовалось общество юго-западных железных дорог, и я получил место начальника эксплуатационного отдела юго-западных жел. дорог при правлении в Петербурге. Я переехал в Петербург (тогда я только что женился на моей первой жене, которая умерла) и поселился на Троицкой улице (которая идет от Невского). Вдруг ночью ко мне стучатся, в мою комнату входит камердинер и говорит, что приехали жандармский офицер, затем полицейские, городовые, полицейский офицер и требуют меня, требуют, чтобы я немедленно к ним пришел. Это все произошло ночью. Мне было, конечно, очень неприятно, жена крайне перепугалась... Одеваюсь, выхожу к ним и спрашиваю: «Что нужно?» Мне говорят: «Не знаем, – приказано вас арестовать». Я спрашиваю: «Почему пришли ночью, а не утром?» Говорят: был приказ сейчас же привезти меня в участок. Я все время недоумевал, думая, за что бы это?

И так как дело было за год до того, когда был убит Император Александр II, и в то время нас захлестнула революционная волна и было много революционных эксцессов, то я и подумал, что, вероятно, меня кто-нибудь замешал в эти дела.

Но так как в это время у меня на руках была работа: составление положения о полевом управлении железных дорог; кроме того, я служил в комиссии гр. Баранова, то Баранов приехал к Императору Александру II, доложил, что я ему крайне необходим; поэтому на третий день последовало второе Высочайшее повеление, чтобы по утрам меня с гауптвахты выпускали, но чтобы ночь я непременно находился на гауптвахте. Так и было. Таким образом, я две недели ночевал на Сенной площади.

Глава 6

О сообществе «Святая дружина» и моем участии в нем

В то время, когда я жил в Киеве, произошли некоторые выдающиеся политические события, и самым главным из них было 1 марта 81 года.

В этот день вечером я был с моею женою в театре и помню, что одна знакомая, г-жа Меринг, которая находилась в соседней с нами ложе, сказала: получена телеграмма, что Император убит. – Я сейчас же покинул театр, написал моему дяде Фадееву, который жил в это время в Петербурге, письмо, в котором чувство преобладало над разумом.

Мысль этого письма заключалась в следующем: у меня в Киеве, в паровозной и вагонной мастерской имеется громадный паровой молот, и если положить на наковальню громадный кусок железа и ударить по нему этим молотом, то от этого удара железо обратится в лист... А вот с этими анархистами такой молот, как вся сила государства – справиться не может, хотя сила государства может быть сильнее, могущественнее, чем молот. Почему это происходит? А происходит это потому, что, если, например, под этот самый молот мы подложим микроскопическую песчинку железа, то можем бить этим молотом сколько угодно, а песчинке никакого вреда не нанесем. Так в данном случае и тут – вся государственная сила не может справиться с этими анархистами.

Через несколько дней после того, как я послал это письмо, я получил от моего дяди Фадеева ответ, в котором он мне сообщал, что мое письмо (которое я тогда ему написал) в настоящее время находится на столе у Императора Александра III и «ты, я думаю, будешь вызван», – писал мне дядя. И действительно, через некоторое время я получил телеграмму от нового министра двора Воронцова-Дашкова, что он просит меня приехать в Петербург.

Как только я вошел в кабинет, Шувалов вынул Евангелие и предложил мне принести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано по этому моему письму и которое было известно под именем «Святой дружины». Вся организация общества была секретная; так что мне не сообщили, как это общество было организовано, а только сказали, что я буду главный для Киевского района и что надо образовывать пятерки, и одна пятерка не должна знать следующих пятерок; так, например, я должен образовать пятерку, и каждый член этой пятерки должен в свою очередь образовывать новую пятерку и т. д. Таким образом, это было секретное сообщество в роде тех сообществ, которые существовали в Средние века в Венеции и которые должны были бороться с врагами и оружием, и даже ядом.

Отнестись критически ко всему этому – я не мог и дал присягу. – Меня снабдили некоторыми шифрами, некоторыми правилами и некоторыми знаками, по которым можно узнавать, в случае надобности, членов сообщества. Я отправился в Киев.

В Киеве вскоре до меня начали доходить довольно смутные слухи о том, что один господин (не помню его фамилии), но господин очень низкой пробы, который держал контору для найма прислуги и гувернанток, – принадлежит к какому-то секретному сообществу. – Вскоре я получил распоряжение отправиться в Париж, где я (на мое имя) могу получить указания, что я должен делать.

Приехав в Париж, я действительно получил указание; я получил письмо на мое имя, в котором говорилось, что в Париж теперь приехал один господин, принадлежащий к нашему сообществу, которого фамилия Полянский и который находится в том же самом Гранд-Отеле, в котором остановился, что этот Полянский имеет миссию убить Гартемана.

Гартеман, о котором идет речь, нанял домик в самой Москве, там, где дорога подходит к вокзалу; из этого домика Гартеман провел мину к железной дороге как раз под насыпь; туда он поставил взрывчатую машину и из своего дома посредством электричества хотел взо-

рвать Императорский поезд, когда он будет проходить мимо. Несмотря на неудачу, все-таки держался слух, что Гартеман хочет снова делать покушение на нового Императора, поэтому Полянскому и дана была миссия убить Гартемана. Этого Полянского я знал, когда он был еще офицером уланского полка, который стоял недалеко от Одессы.

В Париже Полянский увидел меня в первый раз, когда мы сидели вместе с ним на закрытой террасе Гранд-Отеля. Он завтракал; я тоже пришел завтракать. Он спросил меня, для чего я приехал? Я, конечно, дал ему очень уклончивый ответ. Потом мы встречались с ним на следующий день; на третий день он сделал мне знак, такой знак, который в нашем обществе «Святой дружины» давался, чтобы узнавать друг друга. Я ему в свою очередь ответил знаком; тогда он подошел ко мне и спросил: «Вы, вероятно, приехали меня убить, в том случае, если я не убью Гартемана? Я должен Вас предупредить, что если я до сих пор не убил Гартемана, то только потому, что я был задержан. Вот завтра встанем в 5 часов утра и пойдем вместе».

Утром мы с ним пошли. Я видел, как Гартеман вышел, а два апаша, или хулигана, стояли около тех ворот, из которых он вышел; они последовали за ним, затем эти хулиганы подошли к Полянскому и начали делать ему сцену, что вот третий день они готовы завести с Гартеманом драку.

«Вот видите, – сказал мне Полянский, – у меня все уже несколько дней готово, чтобы убить Гартемана, но я ожидаю, так как мне дано распоряжение из Петербурга этого не делать». Я спросил: «Кто же дал вам это распоряжение?» Он ответил, что распоряжение это передано через Зографо. Этот Зографо был сыном бывшего когда-то посланника в Греции.

Когда я вернулся обратно в Киев, то вследствие этой глупой истории с Гартеманом, а также истории с содержателем конторы для найма, который, по-видимому, также числился в этом обществе; и так как, кроме того, по всей России распространилось очень много слухов о существовании этого общества, и о том, что туда направилась всякая дрянь, которая на этом желала сделать себе карьеру; это общество в самый короткий срок сделалось «притчей во языцех» – вот вследствие всего этого я и почувствовал необходимость выйти из этого скверного, в конце концов, по меньшей мере смешного, если не грязного и гадкого дела.

Глава 7

Моя служба в Киеве

Когда я сделался управляющим юго-зап. жел. дор., то я, главным образом, сосредоточил свое внимание на службе ремонта пути и зданий, именно на той части, которая требует чисто инженерных познаний. Среди моих служащих у меня было несколько инженеров путей сообщения более или менее молодых, силами и знаниями которых я располагал, они давали мне то, чего я не знал, т. е. различные знания чисто инженерного искусства, а я, со своей стороны, давал им те знания, которые вытекают из обширного железнодорожного опыта, а также и из знания математики и механики.

Когда я был управляющим юго-западными железными дорогами, я был своим положением весьма доволен, потому что я получал очень большое содержание – гораздо больше, нежели я потом получал в качестве министра и председателя комитета министров.

Служа на железной дороге, я в то же время состоял и чиновником особых поручений при генерал-губернаторе графе Коцебу. И вот в это время, когда граф Коцебу жил в Одессе, он однажды заболел и довольно сильно; из Киева выписали доктора, известного профессора Меринга, который прописал графу Коцебу лекарство и между прочим рекомендовал ему следующий странный и оригинальный способ лечения.

Когда я был в Киеве, то я там встречался с некоторыми лицами более или менее выдающимися, которые впоследствии оставили некоторые следы в дальнейших событиях России, вот о них-то я и хочу сказать несколько слов.

Я хочу сказать несколько слов о Лорис-Меликове, так как боюсь, что в последующем изложении забуду о нем рассказать. Итак, сейчас я припоминаю о нем следующее.

Будучи в Киеве управляющим юго-западными жел. дор., я написал весь (общий) устав российских жел. дор., который, в сущности говоря, стал потом законом и до сих пор регулирует всю деятельность жел. дор., т. е. собственно эксплуатацию жел. дор. Так вот, когда комиссия графа Баранова закончила свои занятия, то граф Баранов представил этот самый устав в Государственный Совет, причем там явилась большая оппозиция этому уставу, в особенности его организационной части, потому что я проектировал в этом уставе совет по железнодорожным делам (который существует и в настоящее время, но я проектировал его на более автономных началах). Хотя совет, по моему проекту, и состоял при Министерстве путей сообщения, но, тем не менее, министр путей сообщения не мог влиять на решение совета по железнодорожным делам. Я проектировал совет на началах автономных, чтобы министр путей сообщения являлся только председателем этого собрания. Вот это-то и встретило большие возражения со стороны членов Государственного Совета.

Так как гр. Лорис-Меликов в то время был и министром внутренних дел, и начальником верховной канцелярии и, как его тогда прозвал Катков, «диктатором Государева сердца», то он конечно, играл громадную роль во всех государственных делах, а потому от него во многом зависело: будет ли принят устав жел. дор. в том виде, как я его проектировал, или же он будет изменен, а, может быть, совет по железнодорожным делам и совсем не будет принят Государственным Советом.

В Киеве я встретился с Пихно, нынешним членом Государственного Совета, играющим в настоящее время некоторую роль в Государственном Совете.

Этот Дмитрий Иванович Пихно, в сущности говоря, человек недурной, мало образованный в заграничном смысле: за границей мало бывал, совсем не знает языков, не знает заграничную науку, совсем не знает культуру заграничную, но по природе он человек умный.

Пихно – сын зажиточного крестьянина. Пихно кончил курс в какой-то гимназии Киевского военного округа; окончив гимназию, он поступил на юридический факультет Киевского университета. Так как средства Пихно были очень малы, то он занимался уроками и был репортером в газете «Киевлянин».

В это время «Киевлянин» издавал известный профессор Шульгин. Он, как ученый, ничем не выделялся, но, как профессор, он был одним из очень талантливых лекторов. Лекции его (он читал всеобщую историю) были превосходны как в университете, так и в других учебных заведениях. И вот одна институтка, только что окончившая курс в этом учреждении, очень красивая (фамилию ее не помню), до того в него влюбилась, что сама его просила, чтобы он на ней женился. Шульгин женился на ней; в это время, можно сказать, он был стариком, а она совершенно девочкою. Но, конечно, это увлечение как к профессору и лектору прошло, когда она сделалась его женою и узнала тайны жизни.

Пихно был корреспондентом «Киевлянина» и очень способным корреспондентом. После смерти Шульгина остались дочь (старшая) и сын. Сын Шульгина ныне состоит членом Государственной Думы.

Пихно в это время много уже лет был профессором в Киевском университете и редактором «Киевлянина». В профессора его выдвинул Николай Христианович Бунге, бывший ректор Киевского университета, а потом министр финансов. Пихно был из числа тех учеников Бунге, к которым он благоволил. Произошло это потому, что Бунге был товарищем Шульгина, они были очень близки между собою, и так как Пихно был любимцем м-м Шульгиной и занимался постоянно в редакции «Киевлянина», то, очевидно, Шульгин оказывал протекцию Пихно у Бунге.

Бунге в то время считался очень либеральным министром и находился в несогласии с Константином Петровичем Победоносцевым, который был представителем крайнего консервативного направления. Бунге привлек к себе из Киева, кроме Пихно, еще и Картавцева, который и сделался управляющим дворянским и крестьянским банками.

Когда я приехал в Киев, Пихно уже издавал и редактировал «Киевлянина», и так как он был ученик Бунге и находился в известных отношениях с Шульгиным, то газета эта велась в довольно либеральном направлении, в особенности с тех пор, как сам Пихно начал вести ее.

Пихно держался довольно либерального направления и часто нападал на железнодорожную политику в России вообще и на Юго-Западные дороги в частности. Мы не сходились с ним и в финансовых вопросах; он держался и в финансах направления более либерального, а я более консервативного.

Все это, вместе взятое, вынудило меня принять участие в основании газеты (в Киеве) «Киевское слово».

Когда я переехал в Петербург, то я с Пихно несколько лет совсем не встречался. Встретился я с ним, когда было образовано Высочайше утвержденное сельскохозяйственное совещание, в котором я был председателем.

Затем, когда в 1905 году вспыхнула так называемая наша революция, то Пихно сразу, как сумасшедший, ринулся на правую сторону и, сделавшись адептом Союза русского народа, начал проповедывать самые крайние реакционные мысли в «Киевлянине». Так что мы тогда переменились с ним ролями: я приблизительно остался тех же самых политических идей, каким был раньше, когда я жил в Киеве, т. е. более или менее консервативных, между тем как Пихно в то время был идей либеральных; но после 1905 года я сравнительно с ним сделался большим либералом.

Вследствие такого крайнего черносотенного направления, конечно, Пихно был сделан членом Государственного Совета и теперь там отличается своими черносотенными взглядами.

Что касается Антоновича, то он, так же как и Бунге, занимался вопросом денежного обращения. По этому предмету, он написал как магистерскую, так и докторскую диссертацию,

но книги его, конечно, были гораздо более слабы, нежели работы Бунге. Вообще Антонович был человек непрочный в своих научных убеждениях.

Когда я сделался министром финансов, то он очень просил меня, чтобы я его сделал своим товарищем. Когда открылось место одного из товарищей министра финансов, я это место предложил Антоновичу, и он в течение года с чем-то был у меня товарищем по моему посту министра финансов.

Вообще между Пихно и Антоновичем есть большая разница. Я думаю, что Антонович, как профессор, был почти одинакового калибра с Пихно, может быть, даже выше его; книги Антоновича также, мне кажется, более талантливой, чем книги Пихно, но по природе Пихно несомненно человек более умный, определительный и более характерный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.